

и живут за монастыри и за попы и за дворы и за детьми боярскими в вотчинах и в поместьях во крестьянах, свести в Курск в стрельцы и казаки по прежнему». Дело в том, что бежавшие из Курска от службы стрельцы и казаки самовольно записались в крестьяне и в качестве таковых пользовались теми удобствами жизни, каких не могли иметь в тревожной и тяжелой военно-походной или военно-осадной службе. Теглев принял против них принудительные меры и, разыскав некоторую часть бежавших из Курска стрельцов и казаков, возвратил их к исполнению прежних обязанностей. Они несли их, но в то же время глухо волновались и затевали бунт, который и разыгрался 5-го июля.

Интересные сведения о бунте части стрельцов и казаков мы находим в отписке в Разряд тогдашнего Курского воеводы Федора Лодыженского.

«Июля 5-го дня, – писал он, – пришли ко мне, холопу твоему, Государь, в съезжую избу человек с 50 и больше монастырских крестьян, и те мужики³²⁶ учили кричать и к съезжей избе приступали многое время, и я, видя то, что от них нельзя избавиться, а оборониться не с кем, велел бить в колокол для того, чтобы сошлись всякие люди и пришли ко мне в съезжую избу, чтобы не дать убить головы Константина Теглева, но мужики старые не пошли³²⁷. Я холоп твой, Государь, заперся в съезжей избе с протопопом, попами и осадным головою, с подьячими, и говорил им сказать, чтобы мужики голову Теглева не

³²⁶ Мужиками и крестьянами воевода называет напавших на съезжую избу бунтовщиков потому, что хотя они и означались в списках стрельцов и казаков, но проживши более или менее значительное время в крестьянском быту, обмужичились. Теглев еще не успел образовать из них тех бравых воинов, которыми должны были быть стрельцы и казаки, постоянно занятые военной службой.

³²⁷ Очевидно они были настроены против Теглева, сочувствуя явным бунтовщикам.